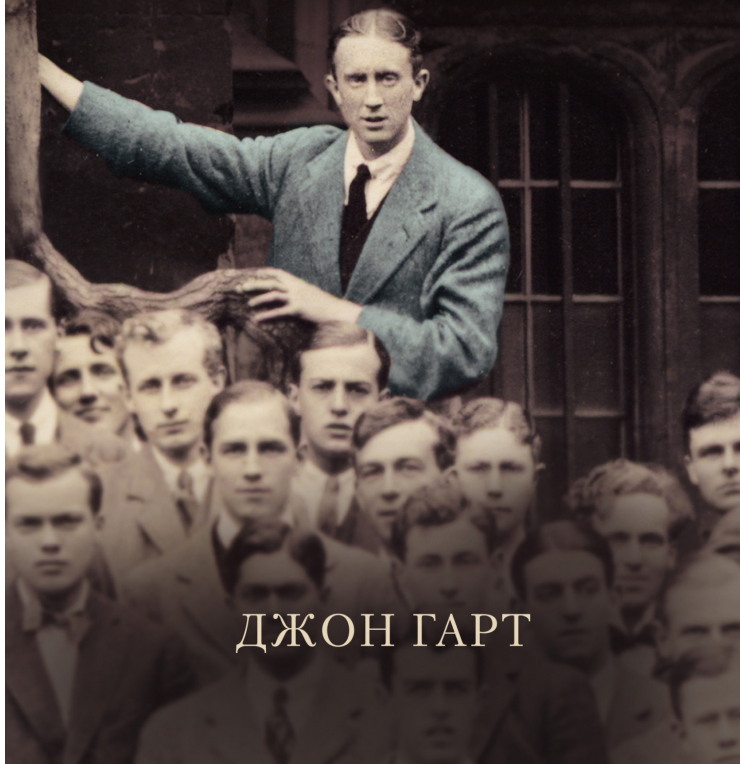

ТОЛКИН

И ВЕЛИКАЯ ВОЙНА

На пороге Средиземья

ДЖОН ГАРТ

Джон Гарт
Толкин и Великая война.
На пороге Средиземья
Серия «Толкин – творец Средиземья»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67669994

Толкин и Великая война. На пороге Средиземья: АСТ; Москва; 2022

ISBN 978-5-17-135127-4

Аннотация

Книга Дж. Гарта «Толкин и Великая война» вдохновлена давней любовью автора к произведениям Дж. Р. Р. Толкина в сочетании с интересом к Первой мировой войне. Показывая становление Толкина как писателя и мифотворца, Гарт воспроизводит события исторической битвы на Сомме: кровопролитные сражения и жестокую повседневность войны, жертвой которой стало поколение Толкина и его ближайшие друзья – вдохновленные талантливые интеллектуалы, мечтавшие изменить мир. Автор использовал материалы из неизданных личных архивов, а также послужной список Толкина и другие уникальные документы военного времени. Впервые публикуется на русском языке, с сохранением справочного аппарата оригинала.

Для широкого круга читателей.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Содержание

Хронология	6
Предисловие	10
Часть I	20
Пролог	20
1	32
Конец ознакомительного фрагмента.	76

Джон Гарт

Толкин и Великая война.

На пороге Средиземья

Посвящается памяти:

Джона Рональда Руэла Толкина, 1892–1973

Кристофера Льюка Уайзмана, 1893–1987

Роберта Квилтера Гилсона, 1893–1916

Джеффри Бейча Смита, 1894–1916

ЧКБО

John GARTH

TOLKIEN AND THE GREAT WAR

The Threshold of Middle-earth

Originally published in the English language by HarperCollins
Publishers Ltd

Печатается с разрешения издательства HarperCollins
Publishers и литературного агентства Andrew Nurnberg

Редакторы и консультанты перевода: *М. Артамонова, К.
Пирожков, И. Хазанов*

© John Garth, 2003, 2011, 2022

© С. Лихачева, перевод на русский язык, 2022

Хронология

Толкин на Сомме, 1916

6 июня Толкин прибывает во Францию

28 июня Толкин прибывает в 11-й батальон Ланкаширских фузилёров

1 июля Начало битвы на Сомме

3 июля Толкин оказывается на передовой

6–8 июля В Бузенкуре с Дж. Б. Смитом

14–16 июля Толкин участвует в штурме Овиллера

17 июля Толкин узнает о гибели Роба Гилсона

21 июля Толкин становится батальонным офицером связи

24–30 июля Траншеи под Ошонвиллером

7–10 августа Траншеи к востоку от Коленкама *16–23 августа* Инструктаж офицеров связи, Ашё

22 августа Толкин в последний раз видится со Смитом

24–26 августа Траншеи, Тьепвальский лес

28 августа – 1 сентября Траншеи к востоку от Лейпцигского выступа

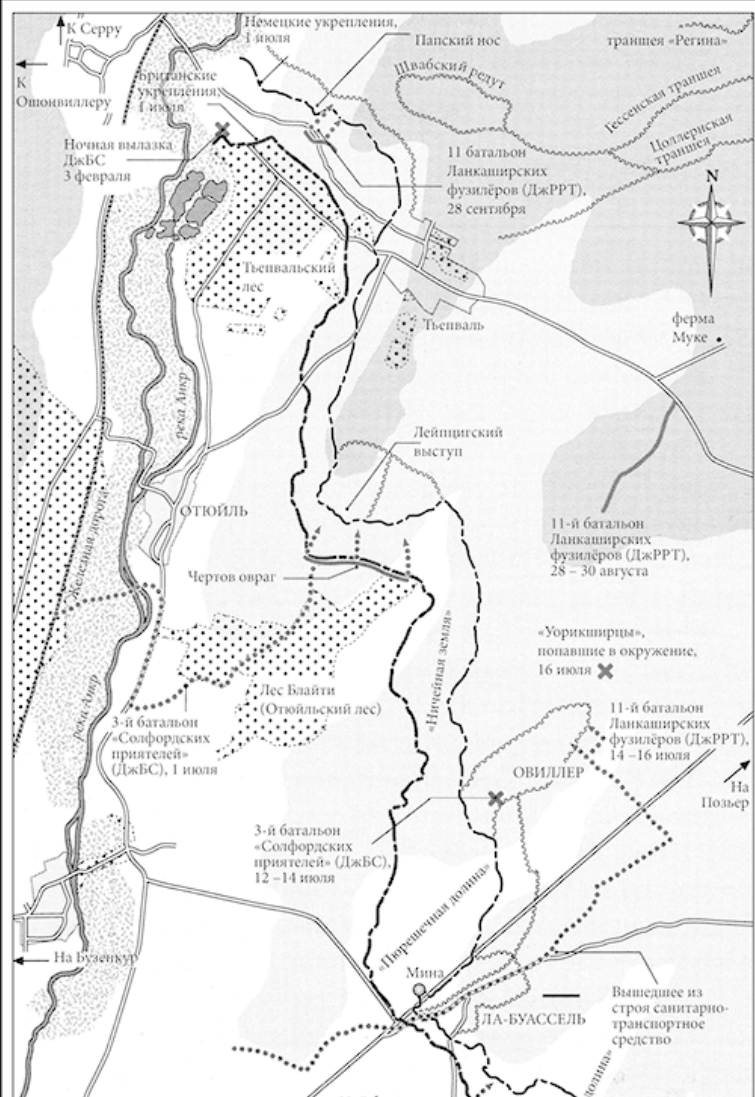
1–5 сентября Траншеи на запасных позициях под Овиллером

12–24 сентября Учения, Франквиль

27–29 сентября Бой в Тьепвальском лесу

6–12 октября Батальонный КП, ферма Муке

13–16 октября КП, Цоллернский редут

ЧКБО на Сомме

Предисловие

Это биографическое исследование родилось из одного-единственного наблюдения: как странно, что Дж. Р. Р. Толкин приступил к созданию своей грандиозной мифологии в самый разгар Первой мировой войны, этого «кризиса разочарования», сформировавшего современную эпоху.

В книге рассказывается о жизни Толкина и о его творческих поисках в 1914–1918 годы: о самых ранних экскурсах в только что придуманный «эльфийский» язык на последнем году обучения в Оксфорде, о новых горизонтах, открывшихся в ходе изнурительной армейской подготовки, об ужасах службы батальонным офицером связи на Сомме, и вплоть до того периода, когда Толкин, будучи хронически болен, в течение двух лет охранял морские рубежи Британии и записывал первые сказания своего легендарiums.

Выходя далеко за пределы чисто военных аспектов, я попытался очертить всю глубину и обширность интересов и источников вдохновения Толкина. Рост его мифологии рассматривается начиная с самых первых лингвистических и поэтических «зерен» и до раннего расцвета в «Книге утраченных сказаний», предшествующей «Сильмариллиону»: она изначально задумывалась как подборка давно позабытых сказаний о древнем мире, представленном сквозь призму восприятия эльфов. В придачу к критическому раз-

бору этого первого «захода» в мир, который Толкин впоследствии стал называть Средиземьем, я комментирую многие его ранние стихотворения, одно из которых («Одинокый остров») здесь публикуется впервые с тех пор, как увидел свет в 1920-х годах в составе малоформатной книжицы, давным-давно распроданной. Надеюсь, мне удалось подойти к ранней поэзии и прозе Толкина со всей серьезностью, как они того заслуживают: не как к юношеским пробам пера, но как к видению уникального писателя в молодые годы – к видению, уже широкоохватному по масштабности и значимому по тематике, однако ж, что характерно, живому, изобилующему подробностями, наполненному глубоким смыслом.

Одна из моих целей состояла в том, чтобы рассмотреть творческие поиски Толкина в контексте международного конфликта и сопутствующих пертурбаций в культурной жизни. Мне немало помогло, во-первых, снятие грифа секретности с военных досье офицеров Британской армии времен Великой войны; во-вторых, любезное разрешение Tolkien Estate изучить документы военных лет, сохраненные самим Толкином, и уникальные, берущие за душу письма ЧКБО – группы недавних школьных друзей, которые мечтали о славе, но были обречены трагедией эпохи на тяжкие лишения и горе; в-третьих, доброта семьи близкого друга Толкина, Роба Гилсона, предоставившей мне неограниченный доступ ко всем его бумагам. Тесно связанные между собою истории

Гилсона, Джеффри Бейча Смита, Кристофера Уайзмана и Толкина – их общее или частично совпадающее видение и даже разногласия между ними, зачастую весьма бурные, – все это, как мне кажется, немало способствует пониманию мотивов и устремлений Толкина как писателя.

И хотя Толкин часто писал о своем собственном военном опыте сыновьям Майклу и Кристоферу, когда те, в свою очередь, воевали во Второй мировой войне, он не оставил ни автобиографии, ни мемуаров. Среди его документов военных лет есть краткий дневник, но в нем содержится разве что последовательный перечень мест дислокации Толкина в ходе боевой службы во Франции. Однако о битве на Сомме доступно такое количество опубликованной и архивной информации, что я смог воссоздать подробную картину месяцев, проведенных Толкином во Франции, вплоть до сцен и событий по пути передвижения Толкина и его батальона по траншеям в конкретные дни.

Здесь следует отметить, что, хотя были опубликованы подробные, исчерпывающие обзоры первоисточников касательно батальонов Смита и Гилсона (Майклом Стедманом и Альфредом Пикоком, соответственно), в отношении батальона Толкина такого обобщающего исследования так и не появилось за пятьдесят с лишним лет; и никто, как мне кажется, не использовал сопоставимого количества свидетельств очевидцев. Таким образом, эта книга оказывается уникальным современным исследованием о действиях 11-

го батальона Ланкаширских фузилёров на Сомме. Однако, поскольку мой рассказ посвящен в первую очередь не военным материалам, я постарался не перегружать его названиями траншей и прочих утраченных ориентиров (тем более что названия эти зачастую существуют в различных вариантах – на французском и в двух британских разновидностях, официальной и разговорной), координатами по карте и подробностями дислокаций дивизий и бригад.

Феноменальный мировой интерес к Толкину сам по себе уже является достаточным основанием для такого исследования, но я надеюсь, что оно окажется небесполезным и для тех, кому интересны живописания мифологических войн от древнего Белерианда до земель Руна и Харада, и для тех, кто, подобно мне, считает, что Великая война сыграла ключевую роль в созидании Средиземья.

В ходе моих изысканий возникновение этой вымышленной версии нашего собственного древнего мира в разгар Первой мировой войны, при всей его уникальности, перестало казаться таким уж странным. Одним словом, я считаю, что, создавая свою мифологию, Толкин вынес из руин истории много такого, что ценно и по сей день, но не просто сохранил и сберег традиции Фаэри: он их переосмыслил и вдохнул в них новую жизнь для читателей современной эпохи.

Однако биографическая составляющая этой книги настолько разрослась, что в конце концов я счел за лучшее

ограничить мои комментарии касательно возможной взаимосвязи между жизнью и книгами лишь несколькими замечаниями и суммировать свою аргументацию в «Постскриптуме». Прочитав рассказ об участии Толкина в Великой войне, те, кто уже знакомы с «Хоббитом» и «Властелином Колец» или «Сильмариллионом» и предшествующими ему текстами, смогут, если захотят, сделать свои собственные, более подробные выводы о том, как на эти сюжеты повлияла война.

Возможно, именно этого захотел бы Толкин, если бы, конечно, готов был одобрить биографические изыскания в том, что касается его жизни и работы. Несколько лет спустя после публикации «Властелина Колец» он написал в ответ на расспросы:

[Я] возражаю против современной тенденции в критике, с ее повышенным интересом к подробностям жизни авторов и художников. Эти подробности лишь отвлекают внимание от трудов автора... и в конце концов, как наблюдаешь то и дело, становятся главным объектом интереса. Но лишь ангел-хранитель или воистину Сам Господь в силах выявить истинные взаимосвязи между фактами личной жизни и сочинениями автора. Но никоим образом не сам автор (хотя он-то знает больше любого исследователя) и уж конечно не так называемые «психологи». [«Письма», № 213]

Я не претендую на какую-то сверхъестественную способность прочесть мысли Толкина и не пытаюсь уложить его на

кушетку в кабинете психиатра. Я не охотился за скандальными сенсациями, но неизменно сосредотачивался на тех событиях, которые, на мой взгляд, сыграли свою роль в становлении легендарнума. Надеюсь, что мой рассказ о том, как одаренный богатым воображением гений пережил мировой катаклизм своего времени, прольет немного света на тайны его творчества.

На протяжении всей книги мнения, интерпретации, трактовки и толкования целиком и полностью принадлежат мне, а не представителям семьи Толкинов и не Tolkien Estate. Однако я благодарю их за разрешение воспроизвести материалы из личных архивов и опубликованных сочинений Дж. Р. Р. Толкина.

За время работы над этой книгой накопились и другие огромные долги благодарности. Прежде всего, я должен сказать спасибо Дугласу А. Андерсону, Дэвиду Брону и Эндрю Палмеру за советы и помощь, выходящие далеко за рамки долга и дружбы. Без их содействия, а также без поддержки Карла Ф. Хостеттера и Чарльза Ноуда эта книга никогда бы не увидела свет. Отдельно хотелось бы выразить мою глубочайшую признательность Кристоферу Толкину за то, с какой щедростью он не только предоставлял мне доступ к личным архивам своего отца, но и уделял немало своего собственного времени; его меткие замечания спасли меня от множества промахов и помогли придать четкую форму книге «Толкин и Великая война». Хочу поблагодарить Джулию Маргреттс

и Франсис Харпер, любезно предоставивших мне письма и фотографии Р.Кв. Гилсона. За неизменную готовность отвечать на мои вопросы о Кристофере Уайзмене и за разрешение цитировать его письма благодарю его вдову Патрицию и ее дочь, Сьюзан Вуд.

Дэвид Даган, Верлин Флигер, Уэйн Г. Хэммонд, Джон Д. Рейтлифф, Кристина Скалл и Том Шиппи поделились со мною своими профессиональными познаниями и представлениями касательно разнообразных аспектов жизни и работы Толкина; критическое исследование Т. Шиппи «Дорога в Средиземье» помогло мне глубже понять труды Толкина. Если бы не содействие Кристофера Гилсона, Ардена Р. Смита, Билла Уэлдена и Патрика Уинна, мои рассуждения на лингвистические темы обернулись бы полным фиаско. Фил Керм, Майкл Стедман, Фил Рассел, Терри Картер, Том Морган, Альфред Пикок и Пол Рид помогли мне как следует разобраться в том, какую роль сыграла армия Китченера в битве на Сомме. Следует также поблагодарить всех тех, кто находил время, чтобы отвечать на мои бесконечные вопросы, включая Роберта Арнотта, преподобного Роджера Беллами, Мэтта Блессинга, Энтони Бернетт-Брауна, Хамфри Карпентера, Питера Кука, Майкла Драута, Сирила Данна, Пола Хайтера, Брайана Сибли, Грэхема Тайяра и Тимоти Траута.

Разумеется, никто из вышеперечисленных не несет ответственности за какие бы то ни было фактические ошибки либо неверные интерпретации, если таковые остались.

За помощь в работе с архивами мне хотелось бы поблагодарить Лорис Топлифф и Джульет Чэдвик из Эксетер-колледжа (Оксфорд); Кристин Батлер из Корпус-Кристи-колледжа (Оксфорд), Керри Йорк из школы короля Эдуарда (Бирмингем), доктора Питера Лиддла из Брадертонской библиотеки (Лидский университет); Тони Справсона из музея Ланкаширских фузилёров (Бери); Кэтрин Уолкер из Эдинбургского университета Нейпира; равно как и сотрудников Государственного архива (Кью), отделов документации, печатных книг и фотографий Имперского военного музея (Ламбет) и читального зала архивов нового времени в Бодлеанской библиотеке (Оксфорд) и Центральной библиотеки Халла. Архивные материалы и фотографии воспроизводятся с разрешения попечителей школ короля Эдуарда VI и ректора и членов совета Эксетер-колледжа (Оксфорд). Я благодарен Синтии Суоллоу (урожд. Фергюсон) за разрешение воспользоваться материалами из личного архива Лайонела Фергюсона; миссис Т. Х. А. Поттс и покойному мистеру Т. Х. А. Поттсу за разрешение цитировать личные документы Г. А. Поттса; миссис С. Дэвид за разрешение цитировать личные документы Ч. Х. Дэвида. Были предприняты все усилия для того, чтобы связаться с правообладателями прочих документов, цитаты из которых я привожу.

За дотошную издательскую подготовку рукописи, терпение в отношении моих стилистических недочетов и удивительную силу духа я должен поблагодарить Майкла Кокса.

Также говорю спасибо Клэю Харперу, Крису Смиту, Меррил Фьютерман и Иану Притчарду за помощь и советы в процессе публикации; моей кухне Джудит Мерфи и ее мужу Полу за их гостеприимство во время моей научной поездки в музей Ланкаширских фузилёров в Бери, Ланкашир; а также редакции «Ивнинг стандарт» – за то, что позволили мне взять академический отпуск для завершения книги.

На всех этапах работы мои коллеги из газетной редакции помогали мне правильно оценить общую картину. Рут Бейли, Илириана Барилева, Гэри Бриттон, Патрик Карри, Джейми Маклин, Тед Нэсмит, Тревор Рейнольдс, Ди Рудебек, Клер Стратерс, Дэн Тиммонз, Присцилла Толкин, Э. Н. Уилсон, Ричард Янгер и в особенности Венди Хилл – все они поддерживали и ободряли меня в критические моменты, когда я особенно в этом нуждался. И, наконец, мне хотелось бы поблагодарить мою семью – моих родителей Джин и Роя Гарт, моих сестер Лайзу и Сюзанну, моих племянников Симеона и Джексона и племянницу Джорджию – и извиниться перед ними за то, что на два года скрылся за горой бумаг¹.

¹ Переводчик в свою очередь благодарит автора книги, Джона Гарта, за постоянную «обратную связь»: за готовность разяснять и уточнять сложные места и отвечать на вопросы. Автор любезно предоставил переводчику список ошибок и неточностей, выявленных в английских изданиях; все исправления были внесены в перевод (тем самым, читателя не должны удивлять расхождения с печатным оригиналом – такие, как «герцогиня Вестминстерская», а не «Уэстморлендская», «Леннокс Годфри Бёрд» вместо «Лоренс Годфри Бёрд», и т. д.). Переводчик выражает глубокую благодарность всем, кто принимал участие в работе над книгой: своему редактору М. Артамоновой за бесценную помощь; А. Белкиной за

Комментарии в конце книги содержат информацию об источниках и объясняют мой выбор в случаях спорной хронологии или в других вопросах. Чтобы не загромождать повествование номерами сносок, каждое примечание начинается с отсылки на номер страницы и с фразы, указывающей, к какой части текста оно относится. В начале книги приводится краткая датировка событий; читателям, которым нужна хронология более подробная (в нескольких датах слегка расходящаяся с моей), рекомендую обратиться к книге Кристины Скалл и Уэйна Г. Хэммонда «Дж. Р. Р. Толкин. Справочник и путеводитель» (Christina Scull and Wayne G. Hammond. *J. R. R. Tolkien Companion and Guide*, HarperCollins, 2006).

Новые добавления, поправки, а также развернутый рассказ о студенческих годах Толкина в Эксетер-колледже см. на моем сайте: www.johngarth.co.uk.

С. Лихачева

консультации по медицинской тематике; И. Хазанову за консультации по военно-исторической тематике и совместную работу над особо сложными фрагментами текста, а также за неизменную поддержку и содействие в ходе подготовки данного издания; К. Пирожкову за ценные сведения по военной истории и фотографию значка Ланкаширских фузилёров для обложки; К. Пирожкову и С. Белякову за содействие в вычитке готового текста; Н. Семеновой за бесконечное терпение в работе над версткой и помощь с указателем, Ирине Майгуровой за помощь в работе над текстом. Постраничные примечания, помеченные «Примеч. ред.», написаны редакторской коллегией: И. Хазановым, К. Пирожковым и М. Артамоновой.

Часть I

Бессмертная четверка

Пролог

16 декабря, зима в самом разгаре. Порывы пронизывающего ветра налетают с боков, хлещут атакующих в лицо, пока те пытаются преодолеть жалкую сотню ярдов по жидкой грязи. В беспорядочной, необученной толпе многие – совсем зеленые новички. Как только этим юнцам удастся скоординировать усилия, немногочисленная старая гвардия бросается в наступление – со всей решимостью и со знанием дела. Но по большей части здесь царит хаос. Снова и снова противник

сяцев, это просто игра. Толкин и его товарищи по команде – пока еще не солдаты; это оксбриджские студенты² вернулись в Бирмингем на Рождество. Сегодня, по ежегодной традиции, они вышли на регбийный матч против основного состава своей прежней школы.

Толкину еще не исполнилось двадцати двух; в нем нет ничего от профессора, знакомого нам по обложкам биографий – в твидовом костюме, с добрыми морщинками и неизменной трубочкой. Джон Рональд (как зовут его старые приятели) на поле для регби совсем иной – худощавый, поджарый; в те времена, когда он играл нападающим в основном составе команды школы короля Эдуарда, он прославился решимостью и напористостью. Сейчас он играет в Оксфорде за Эксетер-колледж.

Его память – настоящая кладовая образов: тут и воспоминания о паническом бегстве от ядовитого паука, о мельнике, смахивающем на великана-людоеда, о зеленой долине в горах; тут и видения драконов, и кошмарной волны, воздвигшейся над зелеными полями, а может статься, уже и благословенной земли за морем. Однако кладовая – это еще не мастерская; Средиземья Толкин еще не создал. Но в этом году, весьма посредственно сдав экзамены по классическим

² Оксбридж – собирательное название старейших в Англии Оксфордского и Кембриджского университетов как элитных учебных заведений по контрасту с дешевыми «краснокирпичными» университетами. – *Примеч. ред.* [Примечания, не помеченные как «Примеч. пер.» или «Примеч. ред.», принадлежат автору книги. – *Примеч. пер.*]

дисциплинам, он сделал судьбоносный шаг ему навстречу. Он распрощался с латынью и греческим и теперь, взявшись за Чосера и «Беовульфа», дотошно изучает происхождение и развитие английского языка. Он верен своей первой любви к северным языкам и литературам – любви, которая станет воспламенять его воображение на протяжении всей жизни. Первый проблеск Средиземья уже не за горами. Далеко, за гранью пока что не придуманного будущего, во внутреннем дворе осажденного города поет петух и в холмах громогласно отвечают рога.

Однако сегодня на поле для регби Толкин не в лучшей форме. Вчера ему полагалось открыть дебаты выпускников утверждением о том, что мир становится слишком цивилизован, но он внезапно прихворнул и вынужден был отказаться от участия.

Его бывшие товарищи по команде из основного состава – те, что сегодня вышли на поле, – окончив школу, по большей части регби забросили. Кристофер Уайзмен, высокий, похожий на льва, с грудью колесом, частенько дрался за мяч бок о бок с Толкином; но теперь, в кембриджском Питерхаус-колледже, ему пришлось отказаться от регби и гребли – давняя проблема с сердцем вновь дала о себе знать. Сегодня он поставлен трехчетвертным – на менее агрессивной позиции, в глубине поля, рядом с еще одним «ветераном», Сидни Бэрроуклофом. В команде есть и такие, кто до основного состава никогда не дотягивал и в матчах с командами дру-

гих школ не участвовал, но в школе короля Эдуарда в регби играли все. Что до внутри школьных матчей, школа делилась на четыре группы, или «дома», и большинство тех, кто играет в одной команде с Толкином в этот декабрьский день, некогда принадлежали к его же дому. По правде сказать, их «командный дух» восходит не столько к полю для регби, сколько к старой школьной библиотеке.

Толкин познакомился с Кристофером Уайзменом в 1905 году. В свои двенадцать Уайзмен уже был талантливым музыкантом-любителем; одно из его сочинений примерно того времени впоследствии вошло в «Методистский сборник церковных гимнов». Его отец, преподобный Фредерик Льюк Уайзмен, возглавлявший Бирмингемскую центральную миссию уэслианских методистов³, воспитал его на Генделе, а его мать Элси привила ему любовь к Брамсу и Шуману; особенно же ему нравились немецкие хоралы. Но с Толкином он подружился благодаря регби. Оба играли в алых цветах дома Межерса (названного так в честь учителя, стоящего во главе дома) и яростно соперничали с мальчиками в зеленом из дома Ричардса. Позже оба боролись за мяч в основном составе школьной сборной. А еще они обрели друг в друге родствен-

³ Методизм (официально Методистская церковь) – одна из протестантских конфессий; возникла как течение внутри англиканства в 1720-х гг. в Оксфорде и окончательно отделилась от Англиканской церкви в конце XVIII в. Основателями методизма были Джон Уэсли (1703–1791) и Джордж Уайтфилд (1714–1770). – *Примеч. ред.*

ную душу. Уайзмен, годом младше Толкина, в интеллектуальном плане был ему ровней – и в том, что касается академических успехов, буквально наступал ему на пятки. Оба жили в Эджбастоне, пригороде Бирмингема: Кристофер – на Гринфилд-кресент, а Джон Рональд не так давно поселился через одну улицу от него, на Хайфилд-роуд. Они частенько ходили вместе в школу и обратно по Броуд-стрит и Харборн-роуд и увлеченно спорили, позабыв обо всем на свете: Уайзмен был либералом по политическим взглядам, уэслианским методистом по религиозным убеждениям и музыкантом по призванию; Толкин, убежденный консерватор и католик, был (по мнению Уайзмена) напрочь лишен музыкального слуха. Неожиданное товарищество, что и говорить, но тем более ценное для обоих. Редкая дружба выдержала бы споры столь яростные, но мальчишки обнаружили, что в бурных диспутах тесная связь между ними лишь крепнет. Промеж себя они называли друг друга Великими Братьями-Близнецами. Эта духовная близость не распространялась даже на Винсента Траута, их лучшего друга как на поле для регби, так и за его пределами.

В течение последнего триместра в школе короля Эдуарда Толкин ненадолго сделался библиотекарем. К управлению своей маленькой империей он привлек и Уайзмена, а тот настоял, чтобы к ним присоединился и Траут в качестве помощника библиотекаря. К тому времени место в Оксфорде Толкину было обеспечено, и он изрядно расслабился. Вскоре

в библиотеке уже царило неуместное оживление – впрочем, кружок, собирающийся там, мог себе позволить испытывать терпение директора, потому что одним из самых активных участников был директорский сын, Роберт Квилтер Гилсон.

Все друзья Толкина были способны на интеллектуальную серьезность. Они верховодили на всех школьных дебатах и в театральных постановках, они составляли костяк Литературного общества, на заседаниях которого Толкин зачитывал исландские саги, Уайзмен рассуждал об историографии, Гилсон с восторгом разглагольствовал об искусствоведении Джоне Рескине, а Траут однажды сделал примечательный доклад, который запомнился как «фактически последнее слово» о поэтах-романтиках. Благодаря своему энтузиазму эта маленькая вдохновенная компания вырвала контроль над школьной жизнью из рук тех мальчиков, которые распоряжались бы ею в противном случае. В поделенном на два лагеря мире школьной политики это был триумф дома Межерса над домом Ричардса, алого над зеленым, но для Толкина и его друзей это означало моральную победу над циниками, которые, по выражению Уайзмана, над всем глумились, но ни от чего не теряли самообладания.

Однако главная цель библиотекарей была по большей части не столь возвышенной; они лишь мешали друг другу работать, немилосердно смеша друг друга. Летом 1911 года, самым жарким за последние сорок лет, в Британии взбурлило забастовочное движение, и (по словам одного истори-

ка) «изнемогающие от жары жители городов психологической нормальностью похвастаться не могли». Библиотечная каморка стала очагом интеллектуальных прожектов, абсурдистского юмора и всевозможных дурачеств. В то время как грозная длань экзаменов уже простерлась над большинством их однокашников, библиотекари втихаря кипятили чаек на газовой горелке и по установившейся традиции каждый приносил что-нибудь лакомое для тайных пиршеств. Вскорости «Чайный клуб» начал собираться в магазине «Бэрроу» после уроков, в результате чего возникло второе, альтернативное название: Барровианское общество.

В декабре 1913 года Толкин, хотя он уже и проучился в Оксфорде более двух лет, по-прежнему является членом «Чайного клуба» и «Барровианского общества», известных ныне под аббревиатурой «ЧКБО». Компания по-прежнему встречается на «Барровианских» посиделках и по-прежнему очень даже не прочь подурачиться. Состав клуба постоянно обновляется, но ядром его неизменно остаются Кристофер Уайзмен и Роб Гилсон заодно с Джефффри Бейчем Смитом – этот адепт присоединился позже прочих. На поле для регби сегодня ЧКБО представляют все четверо, а также и Сидни Бэрроуклоф, играющий трехчетвертным на пару с Уайзменом. Как Толкину не хватает Винсента Траута – превосходного замыкающего! Первая потеря в рядах ЧКБО: Траут умер почти два года назад после затяжной болезни.

Сегодня оксфордцами и кембриджцами движет не только спортивный азарт, но и желание пообщаться со старыми школьными друзьями: и вчерашние дебаты, и сегодняшний матч, и торжественный ужин вечером входят в программу масштабной встречи выпускников. Именно это, а вовсе не регби само по себе, сподвигает компанейского Роба Гилсона поучаствовать в схватке (он же в последний момент подменил захворавшего Толкина в дебатах). Его страсть — это карандаш, грифельный либо угольный, а вовсе не грязь и пот. Сложно сказать, какая черта его внешности наиболее красноречиво свидетельствует о его артистической натуре: чувственные, почти прерафаэлитские губы или невозмутимо-оценивающий взгляд. Его сердце отдано скульпторам флорентийского Ренессанса: он способен увлеченно и доходчиво рассказывать о Брунеллески, Лоренцо Гиберти, Донателло и Луке делла Роббиа. Как и Джон Рональд, Роб вечно что-то рисует или пишет красками. Он провозгласил своим кредо запечатление правды жизни, а не только удовлетворение эстетических потребностей (хотя кто-то из гостей сардонически заметил, что в его комнатах в кембриджском Тринити-колледже только один стул удобный, а все остальные «высокохудожественные»). Окончив школу, он объехал Францию и Италию, зарисовывая церкви. Он учится на классическом отделении, но мечтает стать архитектором и после окончания университета в 1915 году рассчитывает в течение нескольких лет осваивать избранную профессию.

Дж. Б. Смит, который сражается за мяч вместе с Гилсоном, считает себя поэтом. Он очень начитан; он жадно поглощает самые разные книги – его литературные пристрастия варьируются от У. Б. Йейтса⁴ до английских народных баллад, от георгианцев⁵ до валлийского «Мабиногиона». И хотя прежде он принадлежал к дому Ричардса, его неудержимо тянуло к ЧКБО; теперь, когда Смит начал изучать историю в оксфордском Корпус-Кристи-колледже, в нескольких минутах ходьбы от Эксетера, они с Толкином сблизились еще больше. «Дж. Б.С.» – остроумный собеседник и страшно гордится тем, что его инициалы – такие же, как у Джорджа Бернарда Шоу⁶, величайшего полемиста века. И хотя Смит происходит из семьи торговцев и фермеров, он уже примеривается, каким тематическим историческим исследованием займется после получения диплома. А вот регби никогда его не привлекало.

А еще в схватке, вопреки собственному здравому смыслу, участвует Т. К. Барнзли по прозвищу «Тминный Кексик»⁷

⁴ Уильям Батлер Йейтс (1865–1939) – ирландский англоязычный поэт, драматург. Лауреат Нобелевской премии по литературе 1923 года. – *Примеч. ред.*

⁵ Поэты-георгианцы – английские поэты, заявившие о себе в ранние годы правления короля Георга V (1910–1936): строго говоря, те, чьи произведения были включены в антологии «Георгианская поэзия», выпуски 1–5, 1912–1922 гг. В эту группу входили, в частности, Эдмунд Бланден, Руперт Брук, Роберт Грейвз, Дэвид Герберт Лоуренс, Уолтер де ла Мар, Зигфрид Сассун. – *Примеч. ред.*

⁶ Английские инициалы имени Geoffrey Bache Smith совпадают с первыми буквами имени George Bernard Shaw. – *Примеч. пер.*

⁷ Инициалы Барнзли, «Т.К.», по-английски прочитываются как [ti:] [keɪ], что

– уверенный в себе, беззаботный юноша, который нередко верховодит в ЧКБО, всех ослепляя своим искрометным остроумием. Кексик любит щеголять жаргонными фразочками, как, например, «высший балл!» или «я сдрейфил», и носить-ся сломя голову по Кембриджу на мотоцикле, закрывая глаза на то, что такое поведение едва ли приличествует будущему уэслианскому священнику. Они со Смитом согласились войти в команду Толкина только при условии, что в ней же окажется и Роб Гилсон. Сомнительный комплимент, на взгляд Роба: иначе говоря, эти двое знают, что Роб играет еще хуже них.

Так что нападающих толкиновской команды фатально подводит неопытность Гилсона, Смита и Т. К. Барнзли. Основное бремя борьбы приходится на трехчетвертных защитников, включая «старичков» Уайзмена и Бэрроуклофа. Апатичный Бэрроуклоф сегодня сам на себя не похож: он вихрем проносится через половину поля сквозь вражеские ряды и засчитывает одну попытку, затем еще одну. Но с самого начала, после первой попытки, натиск их юных противников не ослабевает, и лишь благодаря проворству и юркости Бэрроуклофа и Уайзмена разрыв в счете удастся подсократить. В перерыве между таймами счет – 11:5 в пользу основного состава школы. Команды меняются местами; теперь ветер благоприятствует Бэрроуклофу: ему засчитывают вторую попытку, и полузащитник схватки снова совершает ре-

ализацию. Однако на последних минутах школа увеличивает счет до 14:10 в свою пользу. Дух товарищества, безусловно, дело хорошее, но изрядно потрепанная команда Толкина осталась в проигрыше.

Зато сегодня их ждет ужин в компании старых друзей, а члены ЧКБО не склонны воспринимать слишком серьезно что бы то ни было. Это счастливые деньки, и тем более счастливые, что кажутся чем-то само собою разумеющимся. Покидая школу короля Эдуарда в 1911 году, Толкин с ностальгией писал в школьной «Хронике»: «Дорога была неплоха – местами, конечно, неровна и ухабиста, но говорят, что дальше будет еще тяжелее...»⁸

Никто даже представить себе не мог, насколько тяжелы окажутся грядущие годы и на какую жуткую бойню шагает это поколение. Даже теперь, на исходе 1913 года, невзирая на растущие признаки того, что «слишком цивилизованному» миру грозит война, невозможно предвидеть, когда и как она разразится. Не пройдет и четырех лет, как в пожаре войны из пятнадцати игроков в составе команды Толкина четверо будут ранены, а четверо погибнут – в том числе Т. К. Барнзли, Дж. Б. Смит и Роб Гилсон.

На каждые восемь человек, мобилизованных в Британии в ходе Первой мировой войны, приходится один погибший.

⁸ Цитаты из ХШКЭ здесь и в ряде других случаев приводятся в переводе М. Артамоновой. – *Примеч. пер.*

Толкиновская команда понесла потери в два раза более тяжелые, и однако ж они сопоставимы с долей смертей среди выпускников школы короля Эдуарда и среди бывших учеников частных школ по всей Великобритании – примерно один из пяти. Что соответствует статистике по их ровесникам-военнослужащим, бывшим студентам Оксбриджа, подавляющее большинство которых становились младшими офицерами и должны были руководить боевыми операциями и возглавлять атаки. Отдавать должное Оксфорду и Кембриджу, да и социальным элитам в целом, в наши дни уже не модно, но правду не оспоришь – Великая война выкосила больше молодых людей того же возраста и статуса, что и Толкин, нежели в любой другой социальной группе Британии. Современники говорили о «потерянном поколении». «К 1918 году, – писал Толкин полвека спустя в предисловии ко второму изданию “Властелина Колец”, – все мои близкие друзья, за исключением одного, были мертвы».

1

Накануне

Если бы Джон Рональд Руэл Толкин в детстве отличался здоровьем более крепким, война настигла бы его еще до того, как ему исполнилось семь лет. Он родился 3 января 1892 года в Блумфонтейне, столице Оранжевой республики – одной из двух бурских республик, добившихся независимости от британского владычества в Южной Африке. Отец Джона Рональда заведовал там отделением Африканского банка. Артур Толкин приехал туда из Англии; его невеста Мэйбл Саффилд вскорости последовала за ним, и молодые люди поженились в Кейптауне. В глазах голландских поселенцев – буров – в Блумфонтейне они были «уитлендерами», то есть иностранцами, которые имели очень мало прав, зато налоги платили огромные. Однако многие шли на это в надежде сколотить состояние: страна изобиловала золотыми рудниками и алмазными копиями. В 1894 году родился брат Джона, малыш Хилари. Жаркий климат плохо сказывался на старшем из мальчиков, так что на следующий год Мэйбл решила ненадолго свозить сыновей в Бирмингем. Но назад они уже не вернулись. В феврале 1896 года Артур умер от ревматической лихорадки. Так что жестокая Англо – бурская вой-

на⁹ за права уитлендеров, разразившаяся в конце 1899 года, Мэйбл Толкин и ее сыновей никак не затронула.

Оказавшись в безопасной Англии, Мэйбл воспитывала сыновей одна. Она поселилась с ними в скромном домике в деревушке Сэрхоул под Бирмингемом. В течение четырех безмятежных лет она сама обучала обоих мальчиков дома; климат и атмосфера этой сельской идиллии запечатлелись в сердце юного Джона Рональда, составляя разительный контраст с тем, что он знал до сих пор. «Если ваша первая рождественская елка – это жухлый эвкалипт, и если вас обычно допекают жара и солнце, – вспоминал он в конце жизни, – то, внезапно (как раз тогда, когда у вас пробуждается воображение) оказавшись в тихой уорикширской деревушке... проникаешься особой любовью к тому, что можно назвать английской глубинкой центрального Мидленда, где чистая вода, камни, вязы, спокойные речушки и... поселяне...» Но в 1900 году Джон Рональд поступил в школу короля Эдуарда, и семья снова перебралась в промышленный Бирмингем, поближе к ней. И тут, к вящему негодованию и Саффилдов, и Толкинов, Мэйбл приняла католичество. Какое-то время

⁹ Англо-бурская война – имеется в виду вторая война с голландскими колонистами (бурами) в 1899–1902 гг. Непосредственным поводом к войне стал отказ президента Трансвааля П. Крюгера дать избирательные права иностранцам. В результате войны Британская империя подчинила обе республики буров, Трансвааль и Оранжевую республику (Оранжевое Свободное Государство). Первая Англо-бурская война, также известная как Трансваальская война (1880–1881), закончилась поражением Англии. – *Примеч. ред.*

мальчики ходили в римско-католическую школу под управлением священников Бирмингемского Оратория. Толкин далеко опережал одноклассников, так что в 1903 году он вернулся в школу короля Эдуарда, но католиком оставался до конца жизни. Мэйбл болела диабетом, в ноябре 1904 года она впала в кому и умерла; Толкин считал, что его мать приняла мученический венец ради того, чтобы воспитать своих мальчиков в истинной вере.

Незадолго до смерти Мэйбл семья снимала комнаты в коттеджике в Реднэле, графство Вустершир, за пределами города. Но теперь опекун мальчиков, отец Фрэнсис Морган из Оратория, нашел им жилье в Эджбастоне, и, переехав с первоначального тамошнего адреса на новый, шестнадцатилетний Толкин познакомился с еще одной квартиранткой – девятнадцатилетней Эдит Брэтт. Хорошенькая Эдит была талантливой пианисткой и тоже сиротой; к лету 1909 года молодые люди полюбили друг друга. Но еще до исхода года отец Фрэнсис прознал о романе и запретил Толкину видеться с Эдит. Как бы ему ни было больно, Толкин послушался опекуна; отныне он целиком посвящал себя ЧКБО, школьным друзьям и регби – и даже стал капитаном команды своего дома. Со второй попытки он поступил в Оксфорд и заслужил стипендию – 60 фунтов в год на оплату обучения на классическом отделении.

Мэйбл привила старшему сыну любовь к рисованию. В

своим первым альбоме он изображал морских звезд и водоросли. Из очередной поездки на морской курорт в Уитби в 1910 году он привез исполненные экспрессии зарисовки деревьев, зданий и пейзажей. В художественных опытах Толкина было больше эстетики и эмоциональности, нежели академизма. Его фигуры и портреты в лучшем случае комичны или стилизованы, в худшем – примитивны; о своих талантах художника он всегда был весьма скромного мнения. Лучше всего ему удавались узоры и орнаменты, примером тому его знаменитые декоративно-условные, графичные обложки к «Хоббиту» и к «Властелину Колец».

Также Толкин через Мэйбл унаследовал от своего деда, Джона Саффилда, способности к каллиграфии – его предки были граверами и изготовителями печатных форм. У самой Мэйбл почерк был весьма вычурный: заглавные буквы и подстрочные элементы украшались завитушками и росчерками, наклонные поперечины выразительно устремлялись вверх. В официальной переписке Толкин использовал почерк, основанный на средневековом «базовом письме», но в юности он, по-видимому, варьировал стили письма для каждого из своих друзей, а позже, в наспех набросанных черновиках, его каракули больше всего походили на электрокардиограмму пациента в реанимации.

Читать Толкин научился к четырем годам и жадно поглощал популярные на тот момент детские книги: это были сказки Ганса Христиана Андерсена, его раздражавшие, «Пест-

рый дудочник» Роберта Браунинга, рассказы об индейцах, «Принцесса и гоблин» Джорджа Макдональда или «Книги сказок» Эндрю Лэнга, будившие жажду приключений. Особенно его завораживали истории о драконах.

Но волшебные сказки не давали ключа к его мальчишеским предпочтениям. «Я воспитывался на античных авторах и впервые открыл для себя ощущение наслаждения литературой в поэмах Гомера», – писал Толкин впоследствии. К тому времени как ему исполнилось одиннадцать, один из священников Оратория сказал Мэйбл, что ее сын «слишком уж начитан, прочел все, что подходит для мальчика, которому нет еще и пятнадцати, – так что из классических вещей ему и порекомендовать нечего»¹⁰. Благодаря изучению античных авторов и, в частности, благодаря школьным упражнениям по переводу английских стихов на латынь или греческий, в Толкине пробудилась любовь к поэзии. В раннем детстве он обычно пропускал в книгах стихотворные вставки. Р. У. Рейнолдс, его учитель из школы короля Эдуарда, пытался заечь в Толкине интерес к общепризнанным колоссам английской литературы, таким как Мильтон и Китс, – но по большей части напрасно. Зато Толкин пылко восхищался католическим поэтом-мистиком Фрэнсисом Томпсоном – его мастерским владением словом и метрикой, его богатой образностью и визионерской верой, пронизывающей его

¹⁰ Цитаты из «Биографии» Х. Карпентера приводятся в пер. А. Хромовой. – *Примеч. пер.*

произведения. Томпсон умер рано, в 1907 году, после смерти пользовался огромной популярностью и, по всей видимости, повлиял на содержание одной из первых стихотворных попыток Толкина, «Солнечный лес», написанной в возрасте восемнадцати лет. Как и в длинном цикле Томпсона «Сестринские песни», в этом стихотворении речь шла о лесном видении фэйри:

Придите ко мне, беззаботные эльфы,
Виденьям подобны и отблескам ясным,
Из света сотканные, чуждые горю,
Порхайте над буро-зеленым покровом.
Придите! Танцуйте, о духи лесные!
Придите! И спойте, пока не исчезли!

Уильяму Моррису, использовавшему стихи в своих псевдосредневековых романах, также было суждено оставить свой след в ранней поэзии Толкина.

Моррис сыграл важную роль еще и потому, что сам учился в оксфордском Эксетер-колледже и вместе с сокурсником Эдвардом Берн-Джонсом (тоже выпускником школы короля Эдуарда) впервые там услышал о Прерафаэлитском движении – и вдохновился его идеями. Толкин однажды сравнил ЧКБО с прерафаэлитами, возможно потому, что Братство стремилось возродить средневековые ценности в искусстве. Кристофер Уайзмен, что характерно, с таким сравнением не согласился, заявив, что оно весьма далеко от истины.

Все попытки Мэйбл научить старшего сына играть на пианино потерпели неудачу. Как писал в своей биографии Толкина Хамфри Карпентер, «казалось, слова заменяют ему музыку и он получает удовольствие, слушая их, читая их и повторяя их вслух, почти не обращая внимания на смысл». Толкин демонстрировал необыкновенные лингвистические способности; в частности, тонко чувствовал фонетику различных языков. Мать начала учить его французскому и латыни еще до того, как Толкин пошел в школу, но ни тот, ни другой язык ему особо не понравились. Однако в восьмилетнем возрасте мальчик впервые встретился с валлийским – благодаря экзотичным названиям на железнодорожных вагонах с углем. Его притягивал необычный привкус и дух имен, которые встречались порою в истории и в мифологии. Позже Толкин писал: «Греческий с его внешним лоском и текучестью, что лишь подчеркивалась жесткостью, меня завораживал... и я попытался изобрести язык, который бы воплощал специфическую “греческость” греческого». Это было еще до того, как в возрасте десяти лет он начал учить греческий как таковой; к тому времени он уже читал и Джеффри Чосера. Год спустя он разжился «Этимологическим словарем» Чемберса, что позволило ему впервые познакомиться с принципом «передвижения звуков», лежащего в основе эволюции языков.

Так для Толкина открылся новый мир. Большинство людей никогда не задумываются над историей языка, на кото-

ром разговаривают, точно так же как не размышляют и над геологией почвы, на которой стоят; но Толкин, читая Чосера на среднеанглийском, уже осмысливал бросающиеся в глаза свидетельства. Еще древние римляне подметили, что некоторые слова в латыни и в греческом звучали похоже – по видимому, они были сродни друг другу. На протяжении веков то и дело случайно обнаруживалось сходство все в новых языках; делались смелые утверждения о том, что все языки восходят к некоему изначальному общему предку. Но в девятнадцатом веке к вопросу наконец-то подошли со всей научной строгостью, и возникла новая дисциплина: сравнительная филология. Ее основное открытие состояло в том, что языки меняются не как попало, а упорядоченно. Филологи смогли вывести фонологические «законы», по которым отдельные звуки изменялись на разных стадиях истории языка. Словарь Чемберса познакомил Толкина с самым известным из этих законов – с законом Гримма, посредством которого Якоб Гримм примерно за век до того кодифицировал совокупность регулярных изменений, порождающих (например) слова *pater* [отец] в санскрите, греческом и латыни, но *father* в английском и *vater* в древневерхненемецком, все – восходящие к одному и тому же незафиксированному «корню». Эти языки (хотя и не все языки мира) очевидным образом родственны друг другу – что устанавливалось посредством научного анализа; далее, сопоставляя их, возможно было реконструировать элементы их праязыка, а именно ин-

доевропейского – языка доисторических времен, от которого не осталось никаких письменных источников. От всего этого у мальчика-подростка голова шла кругом; но все это предопределило его дальнейшую жизнь.

К тому времени как Толкин познакомился с законом Гримма, он уже придумывал собственные языки. Отчасти забавы ради и ради розыгрышей – для создания секретных кодов; отчасти просто ради эстетического удовольствия. За невбошем, представляющим собою мешанину из искаженных латинских и греческих слов (изначальная задумка на самом деле принадлежала его двоюродной сестре), в 1907 году последовал гораздо более проработанный наффарин, на который заметно повлияла фонетика испанского языка (а также и отец Фрэнсис, по происхождению наполовину валлиец, наполовину англо-испанец). Последние четыре года в школе короля Эдуарда Толкин учился в старшем, или первом, классе под руководством директора, Роберта Кэри Гилсона, который побуждал его заняться историей латыни и греческого. Но очень скоро свои наклонности увели мальчика за пределы классического мира. Прежний классный наставник Джордж Бруэртон одолжил Толкину учебник древнеанглийского для начинающих, и тот изучал его в свободное время. В школе Толкин добился превосходных успехов в немецком, получил первую награду по этому предмету в июле 1910 года, однако еще раньше, к 1908 году, он открыл для себя «Учебник готского языка» Джозефа Райта, и этот

давно мертвый язык с рубежей письменной истории взял его филологическое сердце «штурмом».

Другие предпочли бы помалкивать о таких заумных интересах, но в школе Толкин неумолчно рассуждал о филологии. Роб Гилсон охарактеризовал его так: «солидный авторитет в вопросах этимологии – настоящий энтузиаст». Действительно, как-то раз Толкин даже прочел своему первому классу лекцию о происхождении европейских языков. В школе короля Эдуарда в мальчиков вбивали дух классицизма; Толкин, сопротивляясь, преловко делал вид, что не имеет с ним ничего общего. Он дерзко объявлял литературному обществу, что «Сага о Вёльсунгах», история о драконобойце Сигурде, демонстрирует «величайший эпический гений, что прорывается из дикого состояния в совершенную и осознанную человечность». А однажды на ежегодных латинских дебатах он взял и выступил на готском.

Корпус готских текстов невелик, и для Толкина он стал манящим искушением. Толкин пытался представить, каков был готский, не зафиксированный в письменных памятниках. Он придумывал готские слова, но не как попало, а опираясь на свои познания о звуковых изменениях, чтобы реконструировать «утраченные» слова на основе сохранившихся родственных им слов в других германских языках. Этот лингвистический метод весьма походил на тригонометрическую съемку – процесс, посредством которого картографы отмечают высоту объектов местности, где сами никогда

не бывали. «Личный яз.» Толкин упоминал редко, кроме как в своем дневнике, потому что это увлечение частенько отвлекало его от «серьезных» школьных занятий; однако в готский проект он втянул Кристофера Уайзмана. Самокритичный Уайзмен позже вспоминал:

Изучение Гомера под руководством Кэри Гилсона зажгло во мне то, что в Толкине уже горело ярким светом, – интерес к филологии. На самом-то деле Джон Рональд дошел до того, что создал язык L и еще один – LL, демонстрирующий, каким L стал спустя несколько веков. Он попытался посвятить меня в один из своих доморощенных языков и написал мне на нем открытку. Он утверждал, будто я ответил на том же языке, но, сдается мне, он ошибается.

Эти двое с жаром спорили о филологии; много десятилетий спустя Уайзмен говорил, что придумывание языков легло в основу их юношеской дружбы. Необычное занятие для подростков; но Толкин так не считал и позже настаивал: «В этом, знаете ли, нет ничего необычного. По большей части этим увлекаются мальчики... Если основное содержание образования станет лингвистическим, лингвистическую форму обретет и творчество, даже если в список их талантов языки не входят». Конструирование языков не только удовлетворяло творческую потребность, но еще и позволяло создать желанный жаргон, который «служит тайному и гонимому обществу или тем, кто, повинаясь странному инстинк-

ту, притворяется членом такого общества» – как в случае Великих Братьев-Близнецов.

Не вполне понятно, разделял ли Толкин с Уайзменом следующую авантюру, придумывание «незафиксированного» германского языка, гаутиска¹¹, и кажется маловероятным, что более широкий состав ЧКБО вообще был причастен к его филологическим развлечениям. Но в создании языков Толкин руководствовался скорее художественными, нежели практическими соображениями; и даже если его друзья не привлекались как соавторы, то, по крайней мере они наверняка были восприимчивой, придирчивой аудиторией. В конце концов, эти мальчики вели дебаты на латыни – и участвовали в ежегодных постановках пьес Аристофана в оригинале, на классическом древнегреческом. Сам Толкин с большой экспрессией сыграл Гермеса в постановке «Мира» 1911 года (прощаясь тем самым со школой). Уайзмен выступил в роли Сократа, а Роб Гилсон – Стрепсиада в «Облаках» год спустя. Только Смит из всего ЧКБО, будучи учеником «современного», или коммерческого отделения, греческий

¹¹ Гаутиск – возможно, экстраполяция готского; но, скорее всего, имелся в виду язык геатов древней Скандинавии – язык, на котором предположительно говорил герой Беовульф, победитель чудовищ, до того как предание о нем записали на древнеанглийском языке. Хотя Роб Гилсон, по его собственному признанию, в филологии разбирался слабо, некоторые из его прозвищ, которыми он пользовался в письмах к друзьям, заставляют предположить, что и он участвовал в игре своего друга по созданию языков. К сожалению, расшифровка этих прозвищ также основана на догадках. Толкин, по-видимому, звался «мистер Undarhruiménitupp», а Дж. Б. Смит – «Naughadel» или «Hawaughdall».

не изучал; возможно, поэтому в одной из пьес ему поручили роль Осла. Режиссером-постановщиком выступал любитель ситар Элджи Межерс, глава дома Толкина, и на пирях мальчикам подавали своеобразное меню из булочек, крыжовника и имбирного лимонада. «Неужели никто больше не помнит этих пьес? – вопрошал один из “старых эдвардианцев”, то есть выпускников школы, в 1972 году. – Торжественное шествие хора в белых одеждах, играющего на флажолетах, через все переходы здания Старшей школы? Или как Уайзмен и Гилсон жуют на сцене крыжовник и болтают без умолку, будто греческий – их родной язык?»

ЧКБО нравилось в чем-то отличаться от других. Эти подростки обладали искрометным и весьма изощренным чувством юмора, многообразными интересами и талантами – и редко испытывали потребность втягивать кого бы то ни было в свой круг. Еще один выпускник школы короля Эдуарда писал Толкину в 1973 году: «Вы просто не представляете, как я мальчишкой смотрел на вас снизу вверх с восхищением и завидовал остроумию того избранного узкого круга, что состоял из Дж. Р.Р.Т., К. Л. Уайзмена, Дж. Б. Смита, Р.Кв. Гилсона, В. Траута и Пейтона. А я топтался на окраине, подбирая перлы. Вы, надо думать, даже не подозревали об этом мальчишеском преклонении». Оглядываясь назад, Толкин утверждал, что они вовсе не задавались целью отгораживаться от прочих школьников, но, нарочно или нет, ба-

рьеры они воздвигали.

На поле для регби Уайзмена по какой-то причине прозвали Премьер-министром, и участники ЧКБО принялись разрабатывать эту тему: Толкин стал Министром внутренних дел, Винсент Траут – Канцлером, а сообразительный и педантичный Уилфрид Хью Пейтон (прозванный также Уиффи) – Партийным Организатором. Дж. Б. Смит в честь одного из своих увлечений получил громкий (хотя и неправоительственный) титул Принца Уэльского. Более того, это только один набор прозвищ из всего перечня¹². В своей за-

¹² Все участники ежегодных школьных латинских дебатов щеголяли «античными» прозвищами. Некоторые из прозвищ являлись буквальным переводом фамилий: так, Уайзмен стал *Sapientissimus Ingens* [лат. Мудрейший Чрезвычайно: английская фамилия *Wiseman* – *wise* + *man* – дословно означает ‘мудрый человек, мудрец’], а Бэрроуклоф – *Tumulus Vallis* [Долинный Курган: английская фамилия *Barrowclough* – *barrow* + *clough* – дословно означает ‘холм в лошине’]. Кэри Гилсон звался *Carus Helveticus* [Кар Гельветский; гельветы – кельтское племя на территории нынешней Швейцарии] в честь его увлечения Альпами, а Робу присвоили уменьшительный вариант того же имени, *Carellus Helveticulus* [отцовское имя с добавлением уменьшительно-ласкательных суффиксов]. Уилфрид Пейтон был *Corcius Pato* [Корций Патон, латинизированная форма английской фамилии], а его младший брат Ральф – *Corcius Pato Minor* [Корций Патон Младший]. Винсент Траут получил очень рыбное прозвище – *Salmonius Tructa Rufus* [лат. Лососевая Красная Форель: английская фамилия *Trou t* дословно означает ‘форель’], но «Кексик» Барнзли звался *Placenta Horreo*, от латинских слов, обозначающих ‘cake’ [кекс] и ‘barn’ [сарай, амбар]. Все прозвища Толкина обыгрывали его фамилию, в шутку записанную как *toll keen* [‘налог, пошлина’ + ‘острый, пронизательный’]: *Vectigalius Acer* [Налоговый Пронизательный], *Portorius Acer Germanicus* [буквально ‘Таможенный Пронизательный Германец’] и, отдавая должное его языковым способностям, *Eisphorides Acribus Polyglotteus* [‘Налоговый Пронизательный Полиглот’].

писке, непосредственно перед тем как ЧКБО оформилось в единое целое, Уайзмен обращается к Толкину «мой дорогой Гавриил» и, по всей видимости, титулует его «Архиепископ Эврю»; письмо подписано «Вельзевул» (возможно, автор иронизирует над глубокой пропастью между религиозными воззрениями обоих друзей) и содержит малопонятную отсылку к «Первосвященнику Глубинки, нашему общему другу». Вся их корреспонденция (до Великой войны) пронизана духом шутилой торжественности: вместо того чтобы просто пригласить Толкина в гости, Гилсон вопрошает, не сообразовал ли тот «украстить своим присутствием наше родовое гнездо» и «разделить с нами кров».

Критически оглядывая век, в котором довелось расти и ему самому, писатель Дж. Б. Пристли истолковывает подобную игру со словами как показатель легкомыслия и самолюбования правящего класса, помешанного на «собственном дурацком сленге («сленгино чудесато привато», как сказали бы они сами) и... постоянном использовании прозвищ». Однако члены ЧКБО происходили из среднего класса, причем из очень разных его слоев. На самом верху находился «облагороженный» Роб Гилсон, с его просторным домом, высокопоставленным отцом и аристократическим кругом знакомых; а на шаткой нижней ступени – Толкин, сирота, проживающий в съемных комнатах. Его «личный язык» не был пародией на итальянский; и, в то время как прозвища и шутилая архаизация, возможно, способствовали «исключитель-

ности» «Чайного клуба», его члены беззлобно пародировали традиционную социальную иерархию.

В пародийном ключе написана и первая толкиновская публикация – попытка создать нечто в жанре эпической поэмы. Вполне предсказуемый выбор, учитывая, что произведению предстояло появиться на страницах «Хроники» школы короля Эдуарда. В «Битве на Восточном поле» речь идет не о войне, но о регби – это шуточный отчет о матче 1911 года. Написано оно по образцу очень популярных в то время «Песней Древнего Рима» лорда Маколея, откуда и заимствовано прозвище Уайзмена и Толкина – «Великие Братья-Близнецы», и стилизация эта как минимум забавная. Под видом римских кланов изображены соперничающие школьные дома: дом Межерса – в красном, а дом Ричардса – в зеленом; по полю туда-сюда носятся мальчишки, которым явно велики их помпезные прозвища. Под именем «Сехмет», по всей видимости, скрывается Уайзмен – это намек на его светлую шевелюру и его страстное увлечение Древним Египтом. (Похоже, Толкин на тот момент не признавал, что Сехмет – это не бог, а богиня.)¹³

Встряхнул льяною гривой
Сехмет, неустрашен,
И к Рыцарю-в-Зеленом

¹³ Толкину, по всей видимости, это имя встретилось только в романе Райдера Хаггарда «Она», где среди египетских богов фигурирует «Сехмет со львиной головой», но пол не уточняется.

Пробился сквозь заслон.
Сраженный крепким кулаком,
Тот рухнул где стоял,
И тотчас поспешил к нему
Всяк преданный вассал.
Был вынесен из битвы
Герой, и сей же миг
Колено смазали ему,
Омыли бледный лик.

Поэма вся построена на неожиданных переходах от возвышенного стиля к обыденности: архаизмы и иллюзия битвы сменяются современной действительностью, в которой эпизодическую роль играет сам автор. Прозаичная реальность регбийного поля шутливо пародирует героические претензии литературности.

Ироикомическая «Битва на Восточном поле» отражает, намеренно или нет, правду о мировоззрении целого поколения. Спортивная площадка служила ареной для игровых битв. В книгах, которые читали большинство мальчиков, война была все тем же спортом, просто велась другими средствами. Честь и слава увенчивали всеохватным романтическим ореолом и то и другое, как будто настоящая битва могла быть героическим и по сути своей достойным деянием. В своем вдохновенном стихотворении «*Vitai Lampada*»¹⁴ 1897 года сэр Генри

¹⁴ «Светоч жизни» (лат.) – название стихотворения является цитатой из поэмы

Ньюболт изобразил солдата, который подгоняет своих соратников в кровавый бой, эхом повторяя девиз своего бывшего капитана школьной крикетной команды: «Играем, парни! Поднажмем!» Филип Ларкин, поэт гораздо более поздний, оглядываясь назад через десятки лет, описывал, как добровольцы выстраивались в очередь, чтобы завербоваться на военную службу, так, словно ждали перед крикетным стадионом, и сокрушался (или предостерегал): «Подобной наивности уже не вернуть». Более умудренный век некогда описал Войну как одного из Четырех Всадников Апокалипсиса, но в эдвардианскую эпоху казалось, что занятие этого всадника лишь самую малость посерьезнее игры в конное поло.

Уже какое-то время до 1914 года перспектива международного конфликта зачастую казалась вполне вероятной. Викторианское изобилие в Британии постепенно убывало — из-за спадов в сельском хозяйстве, а затем из-за расходов на Англобурскую войну. А Германия, объединенная в 1871 году, — этакий хвастливый молодчик среди европейских держав, — переживала бурную индустриализацию и пыталась упрочить свою роль в Европе через расширение колониального господства. Британию, с ее могучим флотом, она воспринимала как главного противника.

Надвигающаяся война отбрасывала тень на мировоспри-

римского поэта Тита Лукреция Кара (99–55 до н. э.) «О природе вещей» (Кн. II, строки 77–79). – *Примеч. пер.*

ятие Толкина и его друзей еще в то время, когда они учились в школе короля Эдуарда. Уже в 1909 году У. Х. Пейтон, превосходный стрелок и младший капрал в школьном Корпусе подготовки офицеров, на дебатах отстаивал необходимость всеобщей воинской повинности. «Наша страна сейчас достигла мирового господства; к тому же стремится и Германия. Потому нам необходимо позаботиться о том, чтобы защитить себя от опасности иностранного вторжения», — заявлял он. В 1910 году Роб Гилсон призывал к тому, чтобы войны заменил международный арбитражный суд. Толкин возглавлял сторону отрицания. Он предпочитал традиционную иерархию; к примеру, он (возможно, не вполне в шутку) сравнил демократию с «хулиганством и беспорядками», утверждая, что ей не место в международной политике. То же недоверие к бюрократии, интернационализму или масштабным предприятиям как таковым стоит за его нападка-ми на «Суд арбитров». С помощью Пейтона Толкин успешно отверг эту идею как негодную. Они настояли на том, что война — совершенно необходимый и полезный аспект человеческой деятельности, хотя один из школьников и предупредил о «залитых кровью окопах».

К октябрю 1911 атмосфера накалилась: кайзер грозно потрясал оружием, а в дискуссионном клубе было выдвинуто утверждение «это Собрание требует немедленно начать войну с Германией». Но прочие стояли на том, что Германия — это главным образом торговый конкурент, не более. Дж.

Б. Смит заявлял, что рост демократии в Германии и России пресечет любую угрозу войны, и уверял спорщиков, как всегда не без иронии, что единственный повод для тревоги – это воинствующая «Дейли мейл» «да усы кайзера». Дискуссионный клуб не стал объявлять войну Германии. Смит невероятно переоценил силу демократии в обеих странах, недооценил влияние прессы и не сумел разглядеть, какую опасность представляет Вильгельм II – деспот, одержимый подспудными комплексами. Смиту подобное легковерие было простительно: только два дня назад ему исполнилось семнадцать лет и он впервые выступал с речью в дискуссионном зале, – но в этих заблуждениях он был отнюдь не одинок.

Невзирая на нестабильность в промышленности, связанные с вопросом о гомруле¹⁵ беспорядки в Ирландии и все более агрессивную активность суфражисток, для многих британцев это была эпоха материального благополучия и спокойствия, и конца ей не предвиделось. Только гибель антарктической экспедиции капитана Роберта Скотта и крушение «Титаника» (и то и другое случилось в 1912 году) заставили усомниться в незыблемости этих многолетних иллюзий.

Школа короля Эдуарда была оплотом здорового спортив-

¹⁵ Гомруль или хоумрул («самоуправление») – программа борьбы за автономию Ирландии на рубеже XIX–XX вв. Предполагала собственный парламент и органы самоуправления при сохранении над островом британского суверенитета. После окончания Первой мировой войны Ирландия отказалась признать акт о гомруле и потребовала государственной независимости, которая и была признана Великобританией в 1921 г. – *Примеч. ред.*

ного духа, долга, чести и энергичности, и все это подкреплялось солидной базой латыни и греческого. Школьный гимн наставлял учеников:

Здесь не место для лентяя; града славного сыны
Страхам чужды, в битвах стойки и в трудах закалены.
Те, кто школу возвеличил, заповедали тебе:
Умереть – не в праздной лени, жить – в служенье и
борьбе!

В викторианскую эпоху в школе короля Эдуарда проводились занятия по строевой подготовке, пусть и нерегулярные, но в 1907 году Кэри Гилсон получил разрешение организовать Корпус подготовки офицеров в рамках национальных реформ по повышению готовности страны к военному противостоянию. КПО возглавил У. Г. Киркби, преподаватель Толкина на первом году обучения (и выдающийся стрелок в составе Территориальных войск¹⁶, созданных в ходе тех же реформ). Несколько друзей Толкина, заядлых регбистов, стали офицерами Корпуса, а сам Толкин вошел в число 130 кадетов КПО. Восемь членов Корпуса также составили школьную стрелковую команду; лучше всех на стрельбище показали себя Роб Гилсон (капрал КПО) и У. Х. Пейтон. Толкин тоже стрелял неплохо, но в стрелковый взвод не вошел; он принимал участие в строевой подготовке, в инспек-

¹⁶ Территориальные войска – вспомогательный корпус из немобилизованных резервистов, привлекаемых на условиях частичной занятости. – *Примеч. пер.*

тировании школьной территории, в состязаниях с другими тремя домами школы, в полевых учениях и в ежегодных масштабных лагерных сборах, куда съезжалось множество других школ.

Объединенные отряды кадетов были представлены королю и проинспектированы фельдмаршалами – лордом Китченером Хартумским и лордом Робертсом, освободителем Блумфонтейна. Школьная «Хроника» приходит к выводу: «Со всей очевидностью, военное министерство и военное руководство ждут от КПО великих дел». Однажды в середине лета Толкин вместе с другими семьёй кадетами школы короля Эдуарда отправился в Лондон – стоять в оцеплении вдоль всего маршрута следования процессии во время коронации Георга V. Это был 1911 год, стояла палящая жара; в передовой статье Толкин отмечал, что благодаря погоде с его лица «нынче не сходит улыбка». Накануне великого дня кадеты встали лагерем на территории Ламбетского дворца, но долгая засуха наконец-то закончилась и полил дождь. «Adfuit omen», – позже от ком мен тировал Толкин: «это было знамение»¹⁷. Кадеты выстроились напротив Букингемского дворца, глядя, как мимо маршем проходят войска под строгим оком Китченера и Робертса. Ликующие крики возвестили о выезде короля, и в конце концов каде-

¹⁷ Словосочетание «Adfuit omen» обретает особую силу по контрасту с обычным выражением «Absit omen», «Да не послужит это дурной приметой». Его можно перефразировать так: «Это все-таки была дурная примета, черт ее дери».

там довелось-таки увидеть королевскую процессию совсем близко: возвращаясь из дворца, кареты проехали прямо перед ними.

До поры до времени все эти военные приготовления служили поводом для оптимизма. Так, из Олдершотского лагеря Толкин привез «душераздирающие» рассказы о том, сколь великий разор среди кадетов сеяли каламбуры – несомненно, авторства его же собственного круга. Из другого лагеря, в Тидуорт-Пеннингзе на Солсберийской равнине, в 1909 году Толкин вернулся с самым настоящим ранением, но полученным отнюдь не в бою. С типичной для него стремительностью он ворвался в круглую палатку, в которой жил вместе с еще семьей кадетами, подпрыгнул и съехал вниз по центральному шесту – к которому кто-то складным ножом прищипил свечу. Поначалу казалось, что шрам от полученного пореза останется на всю жизнь.

Пока Дж. Б. Смит потешался над усами кайзера, Толкин понемногу осваивался в Эксетер-колледже, где вместе с прочими юношами своего поколения проходил военную подготовку. Сразу по прибытии он вступил в кавалерию короля Эдуарда. Этот кавалерийский полк – так называемый Королевский колониальный – был создан в ходе Англо-бурской войны: в него набирали уроженцев заморских территорий, проживающих на Британских островах. Как таковой, он обладал довольно сомнительным статусом в сравнении с други-

ми британскими воинскими формированиями (и единственный управлялся из Уайтхолла), но рос благодаря королевскому покровительству; его уже успели переименовать в честь нового короля, Эдуарда VII. Поскольку в Оксфорде и Кембридже училось большое количество студентов, приехавших из колоний, эти университетские городки оказались в центре внимания вербовочных кампаний; к 1911 году в Экстер-колледже полк был чрезвычайно популярен. Толкин, по всей видимости, вступил в него потому, что родился в Южной Африке; большинство новых студентов записывались в университетский Корпус подготовки офицеров, но от юношей «колониального» происхождения скорее ожидалось, что они завербуются в кавалерию.

В составе конного полка короля Эдуарда новобранцы оксбриджского эскадрона считались народом норовистым и независимым, но кони у них были превосходные, позаимствованные у местных охотничьих клубов. Толкин очень любил лошадей и умел с ними ладить. (Согласно одному источнику, – возможно, это не более чем недостоверный слух, – он фактически стал берейтором. Стоило ему объездить одну лошадь, как ее тотчас же забирали, давали ему другую, и все начиналось с начала.) Однако в полку он пробыл недолго. В июле и в августе 1912 года он в составе полка провел две недели в ежегодном лагере на Дибгейтском плато, в Шорнклиффе, недалеко от города Фолкстона на южном побережье Англии. Вверх по Ла-Маншу с юго-запада проносились

ревушие ветра, да такие яростные, что дважды выдавались ночи, когда срывало почти все палатки и навесы. Как-то раз полевые маневры проводились после наступления темноты, и, чем возвращаться в лагерь, полк до утра встал на постой: так новобранцам довелось заранее вкусить неуютной военной жизни. В январе следующего года Толкин был уволен из полка по собственному желанию.

Между тем учеба в Оксфорде, мягко говоря, не отнимала много времени и сил: «Фактически мы не делаем ничего; мы довольны уже тем, что мы есть», – сообщалось читателям школьной «Хроники» в ежегодном «Оксфордском послании» от выпускников школы короля Эдуарда. Классические дисциплины Толкин изучал спустя рукава. Старым друзьям о толкиновском «главном пороке – расхлябанности» было давно известно; но теперь и проректор сделал пометку напротив его имени: «очень ленив». На самом-то деле Толкин был очень занят – но не Эсхилом и Софоклом. Он вступил во всевозможные общества колледжа, а также вошел в состав регбийной команды (хотя здесь уровень был куда выше, и он не то чтобы выделялся – он считался «боковым полузащитником, ни больше ни меньше»). Однако гораздо более сильным отвлекающим фактором стало его растущее увлечение финским эпосом «Калевала».

Толкин открыл для себя этот цикл народных легенд еще в школе. Его «чем-то бесконечно привлекала атмосфера» стихотворного эпоса, недавно опубликованного в дешевом из-

дании на английском языке, – эпоса о поединках северных колдунов, о влюбленных юношах, о пивоварах и оборотнях. Для молодого человека, которого столь влекло к той смутной границе, где письменные исторические источники уступают место эпохе полузабытых устных преданий, «Калевала» обладала неодолимой притягательной силой. А какие имена! – в индоевропейской семье языков, от которой произошел английский, Толкин ничего подобного не встречал: Миеликки, хозяйка леса; Ильматар, дочь воздуха; Лемминкяйнен, беспечный искатель приключений. «Калевала» настолько захватила Толкина, что он позабыл вернуть школьный экземпляр первого тома, о чем Роб Гилсон, сменивший Толкина на посту библиотекаря школы короля Эдуарда, вежливо напомнил ему в письме. Так что, имея в своем распоряжении все, что было ему нужно или что его действительно интересовало, Толкин нечасто захаживал в библиотеку Эксетер-колледжа и на протяжении всего первого года обучения взял на руки только одну книгу, имеющую отношение к классическим дисциплинам («Историю Греции» Гроута). Когда же он все-таки заглянул в библиотеку, полки с античными авторами он обошел стороной, зато раскопал настоящее сокровище: новаторскую грамматику финского языка за авторством Чарльза Элиота¹⁸. В письме к У. Х. Одену в 1955 году Тол-

¹⁸ Сэр Чарльз Нортон Эджкомб Элиот (1862–1931) – кавалер ордена Св. Михаила и Св. Георгия, член Королевского Тайного Совета, британский дипломат, колониальный администратор, ботаник, морской биолог; выдающийся лингвист, владевший шестнадцатью языками и свободно общавшийся еще на двадцати. Бу-

кин рассказывал: «Все равно что найти винный погреб, доверху наполненный бутылками потрясающего вина, причем такого букета и сорта, какого ты в жизни не пробовал». Со временем Толкин заимствовал из этой грамматики музыку и структуру финского языка для своего языкотворчества.

Но сперва он принялся перелагать один из фрагментов «Калевалы» стихами и прозой в манере Уильяма Морриса. Это была «История Куллерво» – сюжет о юноше, бежавшем из рабства. Остается лишь удивляться, что подобный сюжет захватил воображение ревностного католика: Куллерво по неведению соблазняет собственную сестру, та убивает себя, тогда и он кончает с собой. Притягательность истории, с вероятностью, отчасти заключалась в смешении бунтарского героизма, юношеской влюбленности и отчаяния; в конце концов, Толкин все еще остро переживал вынужденную разлуку с Эдит Брэтт. Смерть родителей Куллерво, вероятно, тоже вызвала отклик в его душе. Однако ж наиболее притягательным были звучание финских имен, архаичная простота и атмосфера Севера.

Если бы Толкин жаждал всего-навсего пессимистичного пафоса, за ним далеко ходить не надо было: хватило бы и той английской литературы, которой жадно зачитывались его сверстники. Последние четыре года перед Великой войной были, по словам Дж. Б. Пристли, «стремительны, и ли-

дучи послом в Петербурге, на досуге составил «Граматику финского языка», по которой учился Толкин. – *Примеч. ред.*

хорадочны, и до странности безысходны». Образы обреченной юности в стихотворениях А. Э. Хаусмена из сборника «Шропширский парень» (1896) пользовалась огромной популярностью:

Их товарищей убитых
Кости белые торчат
Всюду на полях забытых;
Не придет никто назад.¹⁹

Одним из поклонников Хаусмена был Руперт Брук, первая литературная знаменитость Великой войны: он писал, что, если погибнет «в некоем уголке на чужбине», уголок этот «станет навеки Англией»²⁰. Поэзия Дж. Б. Смита отчасти окрашена той же безысходностью.

Толкин, рано лишившийся родителей, уже изведal скорбь утраты. То же можно сказать и о некоторых его друзьях: мать Роба Гилсона умерла в 1907 году, а отец Смита скончался еще до того, как юный любитель истории поступил в Оксфорд. Но в конце первых университетских каникул Толкину был вновь наглядно преподан жестокий урок: человек не вечен, его удел смертность.

Еще в октябре 1911 года Роб Гилсон прислал из школы

¹⁹ Пер. В. Широкова. Цитируется по: Иностранная литература, № 76 за 2016. – *Примеч. пер.*

²⁰ Имеется в виду стихотворение Р. Брука «Солдат» (1915). Здесь и далее цитируется в пер. В. Набокова. – *Примеч. пер.*

короля Эдуарда письмо, в котором сокрушался, что «уход некоторых небожителей словно бы лишил оставшихся света в окошке». Нет, никто не умер; Гилсон всего лишь имел в виду, что по Толкину очень скучают, равно как и по У. Х. Пейтону, и по их остроумному приятелю Тминному Кексику Барнзли: оба к тому моменту уже учились в Кембридже. «Увы добрым старым дням, – сетовал Гилсон, – кто знает, суждено ли Ч. клубу собраться снова?» На самом-то деле оставшиеся в Бирмингеме члены клуба продолжали встречаться «в старом святилище» в универсаме «Бэрроу» и хозяйничали в библиотечном кабинете. Теперь в «клику» входили также Сидни Бэрроуклоф и «Малыш», младший брат Пейтона Ральф. В ходе шуточной школьной забастовки друзья требовали, чтобы все штрафы за просроченные книги шли на оплату чая, кексов и удобных стульев для себя, любимых. Школьная «Хроника» сурово увещевала Гилсона, сменившего Толкина на посту библиотекаря, «сделать так, чтобы библиотека... приобрела менее показушный характер». Но клуб с лукавой демонстративностью культивировал конспиративную атмосферу. Издателями «Хроники» и авторами этого увещевания были не кто иные, как Уайзмен и Гилсон. Именно в этом номере несколько старост и бывших учеников были отмечены как «ЧК, БО и т. д.» – почти для всей школы эта аббревиатура представляла неразрешимую загадку.

Вернувшись в Бирмингем на Рождество, Толкин принял

участие в ежегодных дебатах выпускников, а вечером зимнего солнцестояния сыграл безграмотную миссис Малапроп в экстравагантной постановке «Соперников» Шеридана, подготовленной Робом, – вместе с Кристофером Уайзменом, Тминным Кексиком и Дж. Б. Смитом, который ныне стал полноправным членом ЧКБО.

На самом-то деле Смит занял опустевшую нишу, оставленную Винсентом Траутом – осенью тот серьезно заболел. Теперь Траут уехал в Корнуолл, подальше от загрязненной атмосферы города, в надежде восстановить силы. Этого не произошло. В следующем, 1912 году, в первый день оксфордского триместра, Уайзмен написал Толкину: «Бедный старина Винсент скончался вчера (в субботу) в пять утра. Миссис Траут приехала в Корнуолл в понедельник и уже решила было, что он идет на поправку, но в пятницу вечером ему резко сделалось хуже, а утром его не стало. Я полагаю, от школы пришлют венок, но я попытаюсь организовать еще один отдельно от ЧКБО». И добавлял: «Я совершенно пал духом... в этом письме никакого ЧКБОшества не жди». Толкин хотел приехать на похороны, но не успевал добраться до Корнуолла вовремя.

Траут влиял на друзей ненавязчиво, исподволь, но глубоко. Жесткий и цепкий на регбийном поле, в общении с посторонними он нервничал, замыкался в себе и неторопливо обдумывал каждое слово, в то время как остальные вокруг увлеченно перебрасывались остротами. Но он вопло-

щал в себе многие лучшие качества ЧКБО – не дурашливый юмор, но честолобивый творческий индивидуализм. Ведь в моменты серьезности основные участники этого кружка чувствовали, что они – сила, с которой придется считаться; не узкий круг снобов из частной школы, а республика ярких индивидуальностей, способных на настоящие великие свершения в большом мире. Творческий потенциал Винсента находил выражение в поэзии, и после его смерти школьная «Хроника» отмечала: «Некоторые его стихотворения демонстрируют большую глубину чувства и превосходное владение языком». Траут вдохновлялся богатейшим наследием поэтов-романтиков и многому у них учился. Но вкусы его были более эклектичны, нежели у его друзей; красота скульптуры, живописи и музыки находила глубокий отклик в его душе. В школьном некрологе он был назван «истинным художником», и если бы он выжил, то не остался бы незамеченным²¹. Позже, в самый разгар кризиса, которого Траут и вообразить себе не мог, друзья вдохновлялись его именем.

Примерно в то самое время, на которое приходится болезнь и смерть Траута, Толкин начал серию из двадцати или около того необычных символистских рисунков, которые сам назвал «Ичествами» [Ishnesses], поскольку они иллюстрировали настроения или состояния. Ему всегда нравилось рисовать пейзажи и средневековые здания, но, ве-

²¹ Винсент Траут родился в Бирмингеме 8 апреля 1893 года и умер 20 января 1912 года в Горран-Хейвене, где и похоронен.

роятно, такая образность сейчас для его целей не подходила. Для Толкина это был изменчивый, темный, исполненный размышлений период: юноша оказался отрезан от школы и друзей, отец Фрэнсис запретил ему общение с Эдит. Он вступил во взрослую жизнь; его чувства по этому поводу, вероятно, можно представить себе, оценив контраст между жизнерадостным «Додесятичеством» с его двумя деревьями и недовольным «Взросличеством» с фигурой слепого ученого, бородатого, под стать маститым оксфордским профессорам. Более оптимистично, как ни странно, смотрелся схематичный человек, беспечно шагающий с «Края света» в клубящуюся небесную бездну. Куда более зловеще выглядят подсвеченные факелами картины обряда посвящения, «До» и «После»: сперва – приближение к загадочному порогу, а затем – движение сомнамбулической фигуры между рядами факелов по другую сторону двери. Ощущение жуткого преобразования передано с удивительной силой. Столь же очевидно, что здесь мы имеем дело с богатой провидческой фантазией, которая еще не обрела всей полноты выражения, поскольку не нашла для этого подходящего средства.

Год спустя Толкин достиг важнейшего поворотного момента и в личной, и в академической жизни. Жизнь до 1913 года была лишь вступлением. Он был несчастлив в любви; ему постепенно становилось все более ясно, что, изучая классические дисциплины в Оксфорде, он заходит в тупик.

И тут все разом изменилось. 3 января 1913 года ему исполнился 21 год, и опекунство отца Фрэнсиса Моргана подошло к концу. Толкин немедленно написал Эдит Брэтт, которая к тому времени успела начать новую жизнь в Челтнеме. За три года разлуки надежды ее угасли, и она заключила помолвку с другим. Однако еще до конца недели Толкин примчался к девушке и уговорил-таки выйти за него.

В течение предшествующего года Толкин изрядно запустил учебу. Его наставником по классическим дисциплинам был Льюис Фарнелл²². Энергичный жилистый очкарик с вытянутым лицом, этот педантичный ученый не так давно закончил пятитомный труд, посвященный древнегреческим культам. Двадцатью годами раньше, когда Греция еще оставалась далекой, практически не освоенной путешественниками страной, юный Фарнелл, искатель приключений, объездил и обошел пешком многие разбойничьи края, разыскивая какое-нибудь полузабытое святилище; он же увлеченно фотографировал пороги в верховьях Дуная в Германии. Теперь его археологический пыл подпитывали открытие легендарной Трои и раскопки Кносса, в ходе которых всякий год открывались все новые тайны гомеровской цивилизации и нерасшифрованные надписи, столь соблазнительные для лингвистов. Но ни Фарнелл, ни Софокл с Эсхилом у Толки-

²² Льюис Ричард Фарнелл (1856–1934), действительный член Британской академии наук, ученый-классицист и преподаватель Оксфордского университета, в котором с 1920 по 1923 годы занимал должность вице-канцлера. – *Примеч. ред.*

на энтузиазма не вызывали. Его время и энергия были отданы главным образом внеучебным занятиям. Он общался с друзьями по колледжу, выступал в дебатах, проходил подготовку в составе своего кавалерийского эскадрона и жадно изучал «Граматику финского языка» за авторством Элиота. «Никто в толк не мог взять, – вспоминал он впоследствии, – почему мои сочинения о греческой драме делались все хуже и хуже».

Единственной возможностью следовать зову сердца для него был спецкурс: он-то и дал ему шанс изучать сравнительную филологию. Толкин понимал: в таком случае его преподавателем станет Джозеф Райт, чей учебник готского языка для начинающих так вдохновлял его в школьные годы. «Старина Джо», гигант среди филологов, начинал как фабричный рабочий, а впоследствии составил монументальный «Словарь английских диалектов». Именно он досконально преподавал Толкину основы греческой и латинской филологии. Но в общем и целом Толкин так и не взялся за классические дисциплины всерьез: что, в придачу к драматическому воссоединению с Эдит, отрицательно сказалось на результатах университетских экзаменов середины курса, «онор модерейшнз». Кэри Гилсон надеялся, что его бывший ученик получит оценку первого класса, но Толкин с трудом сдал на второй – от унижительного третьего класса его спасла только превосходная работа по греческой филологии. По счастью, Фарнелл был человеком широких взглядов, сам питал

любовь к германистике и благосклонно относился к той области филологических исследований, что действительно интересовала Толкина. Фарнелл предложил Толкину перейти на английский курс и негласно договорился, чтобы юноше удалось сохранить стипендию в 60 фунтов, которая предназначалась для оплаты курса классической филологии. Наконец-то Толкин очутился в своей стихии и смог изучать языки и литературу, которые давно уже будоражили его воображение.

Между тем Толкин все больше отдалялся от ЧКБО. Он не участвовал в возобновленной постановке «Соперников», сыгранной в октябре 1912 года Кристофером Уайзменом и Робом Гилсоном в честь прощания со школой короля Эдуарда, и под Рождество пропустил традиционные школьные дебаты выпускников, хотя в тот момент находился в Бирмингеме. В университете Толкин поддерживал связь со знакомыми на встречах общества «старых эдвардианцев», однако очень немногие его бирмингемские друзья поступили в Оксфорд. Один из них, Фредерик Скоупс, на Пасху 1912 года уехал в северную Францию зарисовывать церкви вместе с Гилсоном, но Толкин был довольно-таки ограничен в средствах, а в суматохе оксфордской жизни деньги стремительно таяли.

В Эксетер-колледже Толкин попытался возродить дух ЧКБО, основывая похожие клубы, куда входили его новые друзья-студенты: сперва это были «Аполаустики», а потом

«Шашки», с роскошными обедами вместо тайных перекусов. Толкин стал членом Диалектического общества и Эссеистского клуба: он любил поболтать за трубочкой. Кто-то из его гостей, разглядывая карточки на его каминной полке, не без иронии отметил, что Толкин, по всей видимости, вступил во все общества колледжа до единого. (Некоторые из этих карточек Толкин нарисовал сам, с характерным для него юмором и стильной элегантностью: таково приглашение на «Курильник» – концерт, во время которого зрителям разрешалось курить, – популярное светское мероприятие. Толкин изобразил четырех пританцовывающих, спотыкающихся и падающих студентов – на Терл-стрит, под неодобрительными взглядами летящих сов, облаченных в академические шапочки и шляпы-котелки университетских властей.) Толкин занял пост «заместителя шута» в наиболее влиятельной из этих организаций – Стэплдонском обществе; позже он стал секретарем и наконец, на шумном и разнузданном собрании 1 декабря 1913 года, был избран президентом.

Что до ЧКБО, то его центр притяжения переместился из Бирмингема в Кембридж, где Уайзмен получил стипендию по математике в Питерхаус-колледже, а Гилсон изучал классическую филологию в Тринити-колледже. В октябре 1913 года кембриджская группа увеличилась с прибытием Сидни Бэрроуклофа и Ральфа Пейтона (Малыша).

В то же время, что было особенно важно для Толкина, в Оксфорд приехал Дж. Б. Смит – ему предстояло изучать ис-

торию в Корпус-Кристи-колледже. Уайзмен писал Толкину: «Завидую я тебе из-за Смита; нам, конечно, достались Бэрроуклоф и Пейтон, но Смит – лучший из всех». Дж. Б.С., искрометно-остроумный собеседник, был, несомненно, самым одаренным из ЧКБОВцев: к тому времени как он занял место Винсента Траута в тайном обществе, он уже считал себя поэтом. А еще он разделял некоторые самые сокровенные интересы Толкина, в частности пристрастие к валлийскому языку и валлийским легендам; он восхищался древнейшими преданиями о короле Артуре и считал, что французские труверы лишили эти кельтские сказания их исконной прозрачности и мощи. Прибытие Смита в Оксфорд ознаменовало начало еще более душевной дружбы с Толкином – дружбы, что росла и крепла вдали от постоянного фиглярства, свойственного ЧКБО в целом.

А в Кембридже Уайзмен совсем пал духом от непрерывного ерничества. Роб Гилсон списывал его депрессию на проблемы со здоровьем, из-за которых Уайзмен вынужден был в колледже бросить регби. Гилсон простодушно заявлял в письме к Толкину: «Порою у нас получается развеять его скуку. В пятницу мы с ним, Тминный Кексик и Малыш все отправились на долгую прогулку и перекусили в пабе... Мы все были в распрекрасном настроении – не то чтобы Тминный Кексик когда-либо бывает в ином». Повидавшись с Толкином и Смитом в этом триместре, Уайзмен наконец-то взбодрился душой, но уже вскорости после того он писал

Толкину: «Мне жизненно необходимо снова вдохнуть подлинный дух ЧКБО, поддерживаемый оксфордским отделением. Кексик так меня достал за последнее время, что, честное слово, если в следующем триместре он не изменится, я его придушу...».

К счастью для Уайзмана, когда несколько дней спустя большинство его старых друзей воссоединились на декабрьском регбийном матче 1913 года против основного состава школы короля Эдуарда, он был поставлен на позицию в глубине поля, а Т. К. Барнзли участвовал в схватке за мяч. Но спустя еще два месяца эту несовместимую пару (оба были методистами) делегировали из Кембриджа в Оксфордское уэслианское общество. Роб Гилсон приехал с ними и впоследствии восторженно писал: «Как мы здорово провели выходные: “высший балл”, как сказал бы Кексик... я вдоволь наобщался с [Фредериком] Скоупсом, и Толкином, и Дж. Б. Смитом: все они, похоже, очень довольны жизнью...»

В начале 1914 года у Толкина были все основания радоваться жизни. В январе Эдит была принята в лоно Римско-католической церкви в Уорике, где она поселилась вместе со своей кузиной Дженни Гроув; вскоре после того Эдит и Джон Рональд официально заключили помолвку. Готовясь к знаменательному событию, Толкин наконец-то рассказал об Эдит друзьям; точнее, по всей видимости, он рассказал Смиту, а тот поделился новостью с Гилсоном и Уайзменом.

Толкин опасался, что помолвка отдалит его от ЧКБО. Да и в поздравлениях друзей сквозила тревога: не потеряют ли они друга. Уайзмен именно это и высказал в своей открытке: «Единственное, чего я боюсь, – это то, что ты вознесешься выше ЧКБО», – и полушутя потребовал от Толкина каких-нибудь доказательств, что «это его последнее сумасбродство» не более чем «выплеск ультра-ЧКБОшества». Гилсон написал более откровенно: «Обычай требует тебя поздравить, и я это делаю, искренне желая тебе счастья, – хотя я, конечно же, в смешанных чувствах, не без того. Впрочем, я не боюсь, что такой стойкий ЧКБОВец, как ты, когда-либо переменится». Не откроет ли Джон Рональд имя своей дамы? – добавлял он.

Английский курс, на который Толкин перевелся год назад, тоже не переставал его радовать. Оксфордская программа позволяла ему практически полностью пренебречь Шекспиром и другими «современными» авторами, которые его очень мало интересовали, и сосредоточиться на языке и литературе периода, завершавшегося концом XIV века, когда Джеффри Чосер написал «Кентерберийские рассказы». Именно в этой области он и будет работать на протяжении всей своей профессиональной карьеры – за исключением трех непредвиденных лет на войне. Между тем до «Школ» – выпускных университетских экзаменов (или, как они официально именовались, экзаменов Почетной школы английского языка и литературы) – оставалось еще полтора года, а

пока Толкин мог себе позволить заниматься любимым предметом в свое удовольствие. Он изучал происхождение германских языков под началом Ролинсоновского профессора англосаксонского языка А. С. Ней пира. Уильям Крейги, один из издателей монументального «Оксфордского словаря английского языка», преподавал Толкину его новый специальный предмет – древнеисландский язык; в рамках этого предмета Толкин изучал «Старшую Эдду» – сборник героических и мифологических песней, повествующих, помимо всего прочего, о сотворении и разрушении мира.

Молодой Кеннет Сайзем обучал его аспектам исторической фонологии – а также и искусству находить недорогие книги у букинистов. Толкин уже хорошо знал многие из обязательных текстов и мог посвятить свое время углубленному и расширенному их изучению.

Он писал работы на такие темы, как «Континентальные родственные связи английского этноса» и «Аблаут», выстраивая замысловатые таблицы слов, обозначающих степени родства: *father* [отец], *mother* [мать], *brother* [брат] и *daughter* [дочь] на «Vorgermanisch» [догерманском], «Urgermanisch» [прагерманском], готском, древнеисландском и различных диалектах древнеанглийского, иллюстрируя передвижения звуков, породившие дивергентные формы. В придачу к многочисленным заметкам о закономерностях происхождения английского языка от германского праязыка он также изучал влияние его кельтских соседей

и лингвистические последствия скандинавского и нормандского завоеваний. Он делал построчный перевод древнеанглийской эпической поэмы «Беовульф» и пробовал на вкус ее разнообразные германские аналоги (в том числе историю о Фроди, который отправляется на поиски сокровищ из «клада, коим холможитель владеет, змий, в кольца свивающийся»). Он размышлял о происхождении таких загадочных персонажей, как Инг, Финн и король Шив, в германской литературе. Толкину все это настолько нравилось, что он не мог не поделиться предметом, доставляющим ему столько удовольствия, с другими. Он прочел доклад об исландских сагах Эссеистскому клубу Эксетер-колледжа: как всегда, он совершенно вжился в роль и употреблял, по словам его сокурсника, «не вполне обычные речевые обороты, идеально подходящие к теме». (Мы можем предположить, что Толкин изъяснялся псевдосредневековыми выражениями, к которым некогда прибегал Уильям Моррис в своих переводах с исландского: точно так же Толкин поступит во многих своих собственных произведениях.)

Во всем этом самоочевидна многообещающая двойственность: двойственность в самой филологии, которая одной ногой (в отличие от современной лингвистики) стояла в науке, а другой – в искусстве, изучая глубинную связь между языком и культурой. Толкина влекли и научная строгость фонологии, морфологии и семантики, и богатая поэтически-ми образами или «романтическая» сила предания, мифа, ле-

генды. Пока что он не вполне умел примирить научный и романтический аспекты, но не мог и игнорировать волнующие проблески древнего северного мира, что то и дело проглядывали в литературе, которой он занимался. Более того, тяга к древнему прошлому снова уводила Толкина за пределы назначенной ему дисциплины: когда весной 1914 года он получил от колледжа премию Скита по английской филологии, к вящему ужасу своих наставников он потратил деньги не на тексты английской программы, но на книги по средневековому валлийскому, включая новую историческую «Граматику валлийского языка», а также на псевдоисторический роман Уильяма Морриса «Дом сынов Волка», его же эпическую поэму «Жизнь и смерть Язона» и на «Сагу о Вэльсунгах», переведенную Моррисом с исландского.

Ибо Толкина, при всем его интересе к науке и научной точности и в полном соответствии с его безудержно «романтическим» мировосприятием, не удовлетворял материалистический взгляд на реальность. Для него мир отзывался эхом прошлого. В одном из дебатов Стэплдонского общества он предложил утверждение «это Собрание верит в призраков»; но его собственные своеобразные личные убеждения, ближе к мистицизму, нежели к суеверию, лучше всего выражены в стихотворении, опубликованном в «Стэплдон мэгезин», журнале Эксетер-колледжа, в декабре 1913 года:

Там, где над предвечной Темзой ивы клонятся к волне,

В чаше каменной долины, явленной из тьмы веков,
Сквозь зеленую завесу в сумеречной пелене
Проступают очертанья башен и особняков:
Град у брода, словно эхо незапамятных времен,
Дремлет в мареве тумана, древней тайной облечен.

Эти стихи, написанные в довольно-таки высокопарной манере (долгая строка, с вероятностью, была вдохновлена Уильямом Моррисом), наводят на мысль, что непреходящая суть Оксфорда предшествовала прибытию его обитателей, как если бы университету *суждено* было возникнуть в этой долине. Это – одно из ранних впечатлений от духа места, которым пронизаны многие творения Толкина: человеческое многообразие отчасти сформировано географией, творением божественной руки. Толкин, изучая в Оксфорде литературы древнего Севера, в воображении своем стремился к позабытым очертаниям «древней тайны», которая, как он считал, сделала мир таким, каков он есть.

До Великой войны Толкин писал не так много стихов и, уж конечно, не считал себя поэтом в полном смысле этого слова, в отличие от Дж. Б. Смита. Однако в таких стихотворениях, как «Там, где над предвечной Темзой ивы клонятся к волне», он подражал не столько англосаксам, сколько Фрэнсису Томпсону и поэтам-романтикам (поэмой «Кубла Хан» Кольриджа вдохновлен рисунок Толкина 1913 года), взыскующим иных сфер за гранью обыденности. В своем докладе о Томпсоне, прочитанном в Эссеистском клубе 4 мар-

та 1914 года, Толкин обрисовал писателя, который способен преодолеть разрыв между рационализмом и романтизмом, высветив «образы, заимствованные из астрономии и геологии, и особенно те, которые можно определить как католический ритуал, вписанный в ткань Вселенной»²³

²³ Цитаты из доклада Дж. Р. Р. Толкина о Ф. Томпсоне приводятся в пер. И. Хазанова. – *Примеч. пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.